

Раздел III

АНТИКОВЕДЧЕСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ
LEXICON

ФАЛЕС (ок. 624–546 до н. э.) — первый из древнегреческих мыслителей. Жил в Милете, отчего вместе со своими согражданами Анаксимандром и Анаксименом причисляется к так называемой милетской школе. Занимался поначалу государственными делами, а оставив их — умозрением. За свои теоретические достижения был признан греками одним из семи мудрецов. Значительные произведения Фалеса до нас не дошли, и неизвестно, писал ли он их вообще. Диоген Лаэртский сообщает об астрономической поэме, приводит отдельные изречения Фалеса и стихотворение, которое ярче всего выражает основное направление его мыслей:

*О многом говорить не значит мнить разумно.
Единое отыскивать достойно мудреца.
Одно старайся выбрать. Тем самым крепко свяжешь
Мужей болтливых речи, лишены конца.*

В результате этих исканий Фалес создал свое учение о воде как первоначале всего сущего. Согласно Аристотелю, он стал основателем такой философии, которая утверждала, что должна быть некоторая природа, стихия и начало, из чего как первого возникает все иное и во что как последнее оно исчезает, причем сама эта природа сохраняется при всех изменениях, оставаясь всегда одним и тем же. Помимо того, вода есть простое первоначало, принцип или природа вещей, Фалес утверждал, что все полно демонов и одушевлено. Душу он сравнивал с магнитом, приводящим в движение железо, и считал ее тем, что движет.

АНАКСИМАНДР (ок. 610–547 до н. э.) — друг и последователь Фалеса. По-видимому, он первым записал свои размышления и дал имя первоначала (ἀρχή) тому единству, откуда возникают и куда по необходимости исчезают все вещи. Этим первоначалом. Анаксимандр полагал не воду, а некую бесконечную природу, совершенно отличную от всего определенного. Природа вещей есть нечто бесконечное, беспредельное или неопределенное (τὸ ἀπειρον) потому, что она — начало, а

не из начала, как все остальное; у нее нет начала, которое в противном случае было бы ее концом и пределом. Беспредельное бессмертно и неисчерпаемо, в силу чего не могут иссякнуть возникновение и уничтожение. Неопределенное одно чревато противоположностями, через разделение которых возникают сначала холодное и теплое, затем сухое и влажное, а далее воздух, огонь, земля и все, что возможно. Так вечным движением неопределенного к определению порождаются бесчисленные конечные миры, которые согласно порядку времени возвращаются в бесконечное первоначало, чтобы своей гибелью оплатить взятое у природы взаймы.

АНАКСИМЕН (ок. 598–528 до н. э.) — друг Анаксимандра, достигший известности своим учением о природе вещей как бесконечном, неопределенном воздухе (*ἀήρ ἄλειρος*). Из этого первоначала рождается все, что есть, было и будет, в том числе бог и демоны. Возникновение и изменение вызываются вечным движением единой природы; спокойно довлея себе, беспредельный воздух совершенно незрим, а сгущаясь и разряжаясь, он приобретает видимые различия: рассеиваясь становится огнем, а по мере уплотнения оборачивается сперва облаками, потом водой и землей и, наконец, камнями. В среднем состоянии, промежуточном между плотным и рассеянным, первоначальный воздух является тем воздухом, которым мы дышим и порывы которого называют ветром. Из этих конечных модификаций бесконечного принципа происходит все остальное сущее. Таким образом, согласно Анаксимену, одно дыхание, сгущение и разрежение бесконечного воздуха, объемлет весь мир, подобно тому как наша душа, которая, по Анаксимену, есть тот же воздух, изнутри проникает и соединяет все члены нашего тела, не давая ему распасться.

ПИФАГОР (ок. 570–490 до н. э.) — основоположник философии пифагорейцев. Родился на о. Самос; с целью образования совершил путешествие сначала в Малую Азию, где познакомился с Фалесом, а затем — в Финикию и Египет. Во время странствий был посвящен в таинства греков и варваров, принят в касту египетских жрецов. Возвратясь из Египта, Пифагор застал в своем отечестве смуту, что и вынудило его поселиться в Южной Италии, в Кротоне. Там он объединил своих единомышленников в союз для интеллектуального и морального совершенствования. Желавшие вступить в этот союз подвергались испытанию на образованность и послушание, на время обучения они должны были отказаться от личного имущества и обязывались молчать. Принятые постоянно жили вместе, строго соблюдая определенные предписания. Все члены общества занимались музыкой, математикой, медициной и гимнастикой, а достигшие серьезных успехов в учении тайно посвящались самим Пифагором в высшие достижения

мысли. Внешне организация союза была уничтожена еще при жизни его создателя, но дружба последователей Пифагора и традиции школы не угасали более чем в девяти поколениях. Считая философию эзотерической дисциплиной, Пифагор, вероятно всего, ничего не писал; из его собственных положений до нас дошло только несколько афоризмов. Важнейший из них гласит, что все вещи подражают числу. Диоген Лаэртский сообщает, что Пифагор был первым, кто назвал мир «космосом», за порядок, который ему присущ, а самого себя — «философом», желая подчеркнуть этим, что он не обладает мудростью, а только стремится к ней. Кроме того, начав философские исследования природы числа, Пифагор первым освободил занятия математикой от практических нужд и теоретически рассмотрел ее основания.

ПИФАГОРЕЙЦЫ — члены пифагорейского союза и последователи учения Пифагора. У пифагорейцев считалось хорошим тоном приписывать все свои достижения учителю и не притязать на личную славу. Поэтому известных имен среди них немного, в их числе: математик и механик Архит, ботаник Менестор, врачи Алкмеон и Демокед, драматург Эпихарм, философы Филолай и Гипсас.

Согласно пифагорейцам, ничто из того, что есть и познается, не могло бы возникнуть, если бы не было вечных начал всего — ограничивающих и безграничных чисел. Но и порядка в мире, т. е. космоса, не существовало бы, если бы эти многие и противоположные начала не находились в гармонии — не были бы соразмерны и согласованы друг с другом. Поэтому пифагорейцы утверждали, что к истинному знанию сущности вещей можно прийти, только познав природу числа и гармонию чисел.

Первым определением природы числа выступает единство, монада, вторым — различие этого неопределенного единства, двойственность, или диада. Поскольку монада как единое есть безграничное, неопределенное, постольку лишь вместе эти стихии числа образуют число как таковое, которое по своей природе есть единство единого и многого, неопределенного и определенного, четного и нечетного. Различная в себе монада рождает арифметическую единицу, монада и диада вместе порождают сперва число два, а затем — остальные числа. Если из двух первых определений природы числа возникают все определенные числа, то дальнейшее движение этого первоначала создает космос во всем его многообразии. Это происходит следующим образом. Монада (тождество), пройдя через диаду (различие), становится триадой, троицей — единством тождества и различия. Триада есть завершенная монада, триединство, и поэтому — первое совершенное число, заключающее в себе все предшествующие определения своей природы. Пифагорейцы говорили, что все и вся определено троицей, ибо конец,

середина и начало имеют число целого, а это — триада. Развитая триада, в которой двойственность или различие выступает уже не как одно, а как раздвоенное, разделенное, есть тетрада, четвертое определенное, есть тетрада, четвертое определение первоначала. Как число тетрада есть завершенная, раскрывшаяся диада — противоположность, которая возвела себя в степень, два в себе самом, в квадрате. Это второе совершенное число особо почиталось пифагорейцами, ибо деятельная тетрада, тетрактия, заключала в себе потенцию, источник, корни завершения вечной природы числа вообще. Ведь развитая тетрада, каждое определение которой является не только единицей, но и некоторым определенным целым, есть последнее, самое совершенное число — декада.

Восприняв в себя все различные определения природы числа ($1 + 2 + 3 + 4 = 10$), декада как результат становления первоначала порождает согласно своей абсолютной гармонии все вещи и соотношения космоса от пространственных до духовных. По мере монады возникает точка, по мере диады — линия, триада образует плоскость, а тетрада — тело; движение видимых небесных тел, как и отношение слышимых тонов в музыке, имеют своей основой необходимую систему чисел. Подражание тетраде обнаруживают четыре физических стихии и стороны света, меру триады — величина телесного, заключающая три измерения. Душа триадически делится на чувственность, рассудок и разум; первые две части ее есть и у животных, последняя же, бессмертная и переселяющаяся из тела в тело, только у человека. Гармония самодвижущейся души при этом ставилась пифагорейцами в параллель с гармонией неба: число небесных сфер, как и число добродетелей, было десять. Духовное, по представлениям пифагорейцев, также формируется под руководством природы числа: мысль они определяли как монаду, ибо она едина, равна себе и начальственна во всяком знании и опыте; познание — как диаду, ибо оно направлено исключительно на одно; мнение же считали числом плоскости, а ощущение — числом тела.

КСЕНОФАН (ок. 580–480 до н. э.) — родоначальник так называемой элейской школы; родился в малоазийском г. Колофоне, по неизвестным причинам покинул его и осел в г. Элее. До нас дошли две его элегии и несколько гекзаметров из книги «О природе», в которой он первым выдвинул положение, согласно которому все есть одно (ἓν καὶ πᾶν). Это единство Ксенофан называл также богом — «величайшим из богов и людей, им не подобным ни видом, ни мыслью». В своем труде Ксенофан пытался посредством рассуждения показать, откуда вытекает такое определение первоначала и что из него следует. Он полагал, что если бог — величайший, то он один. Ведь если богов два или больше, то они либо не величайшие, т. е. не боги, либо — одно и то же. Но

если, стало быть, есть одно, то оно — неизменно. Ибо откуда ему возникнуть? Если из такого же, как оно, то возникновения нет; если же из иного, то возникновения тоже нет, поскольку иное не может произвести единого, как худшее не может породить лучшее. И если одно — единственно и неизменно, то оно всюду одинаково, равно самому себе и не есть здесь так, а там — иначе. Следовательно, раз есть одно, единое, или один-единственный бог, то ничего иного нет. Отсюда следует, что такой бог

*Всюду видит и всюду слышит, и всюду мыслит.
И без труда, помышленьем ума, все обнимает.*

Размышляя дальше, Ксенофан приходит к выводу, что единое сущее ни бесконечно, ни конечно. Ведь бесконечно то, чего нет, так как именно оно не имеет ни начала, ни конца, ни какой-либо иной части, а конечно, т. е. ограничено и определено иным лишь то, чего много, а не одно. И, наконец, одно ни движется, ни покоится, поскольку двигаться оно может только в иное, но иного, как показано, нет; а покоиться может лишь то, чего нет, ибо ни оно к иному, ни иное к нему не могут прийти. В конце поэмы Ксенофан выражает убеждение, что тот, кто сам, размышляя, не дошел до этих необходимых заключений, не поймет его учения о едином:

*Никто не постиг то, что ясно, и он не достигнет,
Что я говорю о богах и о сущем всецелом,
Ибо если б ему и случилось ненароком сказать совершенство,
Самого б его он не узнал бы: ко всему прилетилось мненье.*

ПАРМЕНИД (540–480 до н. э.) — слушатель и друг Ксенофана, происходивший из богатого и пользовавшегося уважением рода г. Элеи. Написал эпическими стихами дошедшую до нас в отрывках поэму «О природе». В ней Парменид противопоставил два способа деятельности человеческой души, стремящейся познать, что есть истинное мышление и мнение. Согласно мнению, которое опирается на зрение, слух и обычное употребление слов языка, есть множество весьма разнообразных вещей, постоянно возникающих благодаря сочетанию космических стихий и столь же постоянно исчезающих, чтобы уступить место другим таким же. Но возникающее и исчезающее не есть, поэтому все подверженное рождению и гибели не может быть названо сущим, бытием в точном значении этого слова. Это скорее нечто изменяющееся, которое из-за его изменчивости нельзя ни познать, ни высказать, ибо оно всегда иное, не то, что раньше. Чтобы не блуждать среди того, что только кажется сущим, по недоразумению принимая его за само бытие, Парменид предлагает оставить обманчивый путь мнения и решиться логически, путем мышления, определить, что же действительно есть. Это истинный путь, ибо речь и мышление могут

быть только о том, что есть, а таково именно бытие; ведь небытия, утверждает Парменид, нет вовсе. О бытии или сущем как таковом, поскольку есть только оно, Парменид говорит:

*Не возникает оно и не исчезает нисколько.
Цело, единого рода, не движется и бесконечно.
Не было в прошлом, не будет, а есть — вполне в настоящем,
Не прерываясь, одно. Ему ли разыщешь источник?
Как и откуда расти? Из ничего? Но чего нет, того нет. . .
Сущее неделимо, ведь все оно равно себе лишь;
Самодовлеет, прочно смыкаясь с собой.
Могучая необходимость держит его завершенным:
Нет ему нужды ни в чем, иначе во всем бы нуждалось. . .
Крайний предел бытия есть, оно отовсюду
Глыбе подобно на славу скругленного шара.
От середины все сплошь равномерно, и нет его больше вот тут,
А там — ну хоть чуточку меньше.*

Исходя из этого, принцип философии, как его формулирует Парменид, заключается в том, что, поскольку все различия, доставляемые чувствами, мнимы и сводятся к небытию, только бытие, тождественное мышлению, есть истина, единственный предмет познания:

*Одно есть мышление и то, ради чего оно есть.
Ибо без бытия, в котором сказалась она, мысли тебе не найти.
Ведь сущего кроме нет ничего и ничего не пребудет.*

ЗЕНОН ЭЛЕЙСКИЙ (490–430 до н. э.) — ученик и последователь Парменида. При жизни славился как учитель, к которому, чтобы получить образование, приходили люди со всей Греции. Написал несколько книг, в том числе: «Споры», «Толкование стихов Эмпедокла» и «О природе». В своих произведениях Зенон встал на защиту принципа Парменида, желая доказать, что из обычного взгляда на вещи следует больше несообразностей, чем из утверждения его учителя, что поистине есть лишь одно — единое, неделимое и неподвижное бытие. Он подтверждал этот тезис многими способами, заостря недоразумения, присущие мнению до апорий (ἀπορίαι) — безвыходных затруднений, которые раскрывают, что кажущееся тем, что есть, противоречит себе и тем самым само себя опровергает, обнаруживая свою неистинность. До нас дошло несколько апорий Зенона о множественности сущего и его движении.

Так, допустив, что сущее — не одно и неделимо, а делится на множество, мы допускаем, что ничто не является одним в собственном смысле слова. Ведь все равно, сказать нечто один раз или повторить несколько; поэтому если одно, то все делится до бесконечности. Но если нет одного, то нет и многого, поскольку многое состоит из многих одних.

Многого не может быть и потому, что каждое из многих, если имеет величину, должно быть одновременно и бесконечно большим (делимым до бесконечности, если многое находится в нем), и бесконечно малым (если многое — вне него); а если оно не имеет величины, то все должно быть ничем, ибо именно ничто, прибавляясь к другому, не увеличивает его и, отнимаясь, не уменьшает.

Кроме того, если сущее множественно, то одно и то же оказывается по числу и конечным (ибо сущих столько, сколько есть — не больше, но и не меньше), и бесконечным (ибо между любыми двумя сущими обязательно есть другие).

Истинность движения вообще Зенон отвергал на том основании, что движущееся не движется ни в том месте, где оно есть (ибо, находясь именно в этом месте, оно покоится), ни в том, где его нет (ибо там, где его нет, оно и вовсе двигаться не может). Все особые апории о движении основываются Зеноном на бесконечной делимости пространства и времени, ибо если есть многое, а одного нет, пространство бесконечно делимо, как и время. Они носят названия: «Дихотомия» (движущееся никогда не достигнет конца любого отрезка пространства, так как прежде чем пройти его целиком, оно должно пройти его половину); «Ахиллес быстроногий» (Ахиллес никогда не догонит черепаху, поскольку тогда, когда он прибежит в точку, где она только что была, черепаха успеет хоть немного отползти вперед), «Стрела» (стрела все время полета покоится, ибо в каждый момент времени она находится только там, где она есть) и, наконец, «Стадий» (двойное расстояние равно половинному, ибо его проходят за одно время как движущиеся в противоположных направлениях, так и движущиеся с равной им скоростью мимо неподвижного).

За открытие отрицательной диалектики, которая посредством рассуждений вскрывает противоречие в самом предмете, Зенон Элейский еще в древности получил прозвище Двуязыкий.

ГЕРАКЛИТ (ок. 540–480 до н. э.) — происходил из афинских Кодридов; один из его предков был основателем родного города Гераклита — Эфеса. Гераклит оставил царский сан своему брату и уединился, посвятив себя исключительно философии. Единственная написанная Гераклитом книга о природе вещей, из которой до нас дошло более сотни фрагментов, вследствие глубины мысли и неразработанности философского языка Гераклита принесла ему прозвище Темный. В ней обличается варварство душ людей, слишком доверяющих тому, что видно и слышно, ибо чувственно воспринимаемые вещи подобны потоку воды, в которую нельзя вступить дважды. «Все течет, — утверждает Гераклит, — ничто не выдерживает и не остается тем же самым», а истинного знания о непрестанно меняющемся достичь невозможно.

«Природа любит скрываться», — замечает Гераклит. Поэтому, чтобы не погрязнуть в невежестве, человек должен мыслить. Мыслить означает преодолевать вымыслы своего обособленного рассудка, которые Гераклит называет детскими играми или снами наяву, и приобщаться к единому логосу, правителю космоса. Все окружающее нас по своей природе логично, разумно, а мы становимся разумно мыслящими только тогда, когда наилучшим образом подготовленной душой принимаем в себя и познаем этот всеобщий логос. «Желающие логически мыслить должны крепко опереться на всеобщее, как граждане государства на закон, и даже еще крепче, — убеждает Гераклит, — ведь все человеческие законы питаемы единым божественным, который господствует, насколько ему угодно, над всем довлеет и одерживает верх». Согласно Гераклиту, единый логический закон всего сущего заключается в том, что бытие и ничто суть одно и то же: все течет, возникает и исчезает, рождается, движется, живет и умирает потому, что бытие есть не более чем небытие. «Не мне, но логосу внимая, — говорит он, — мудро признать, что все едино: делимое и неделимое, рожденное и нерожденное, смертное и бессмертное, логос и вечность, отец и сын, бог и справедливость. Из всего одно и из одного — все».

Таким образом, в философии Гераклита первоначалом или природой всякого изменения выступает логос — процесс становления единого. Расходясь с собой, т. е. распадаясь на многое, единое не пропадает в этой противоположности, а в ней приходит к себе самому как к единому. Вследствие этого, по выражению Гераклита, прекрасный космос не есть куча сору, насыпанная как попало, а возвращающаяся в себя гармония, в которой сходится расходящееся. Этот космос не создан никем из богов или людей и представляет собой процесс превращения противоположностей друг в друга, смыкающий начало с концом пути вверх и вниз. Путь вверх, согласно Гераклиту, есть путь вражды, спора, борьбы, разделяющей единое на противоположное, в силу чего возникает многое. «Следует знать, — пишет он, — что вражда всеобща, что истина есть раздор и все возникает через борьбу и по необходимости». Путь вниз есть путь дружбы и гармонии, соединяющей различное и противоположное в одно, в результате чего возникает единое. «Противоборствующее сходится, и из различного возникает прекраснейшая гармония». Такова, по Гераклиту, настоящая вечность: повелевая ходом вещей, она, подобно ребенку, играющему в кости, раз за разом собирает сущее из небытия и расточает его в ничто. Этот логический круговорот природы вещей Гераклит изобразил также в виде реальных физических метаморфоз вечно живого огня, по мере становления единого разгорающегося на пути вниз и потухающего на пути вверх: «Огонь живет смертью земли, воздух — смертью огня, во-

да живет смертью воздуха, земля — смертью воды. Из смерти земли рождается вода, из смерти воды рождается воздух, из смерти воздуха — огонь». Концом этих бесконечных превращений вещества является полное испарение телесного и возникновение души. Раскрывая лежащее в основе всего глубочайшее единство противоположностей, душа мыслит и постигает истину. Тем самым осуществляется ее самовозрастающий, безграничный по обоим путям логос и общая для всех людей возможность познать себя и обрести целомудрие — высшую мудрость и добродетель.

ДЕМОКРИТ (ок. 460–370 до н. э.) — ученик и последователь Левкиппа настолько, что их философии можно рассматривать как одну. Родился во фракийском г. Абдеры и написал 70 сочинений, из которых сохранились лишь фрагменты его главной книги «Диакосмос». В ней он вслед за Парменидом и Гераклитом противопоставляет два рода познания — темный, зависимый от наших ощущений, и истинный, выступающий делом мышления. «Лишь в общем мнении существует цвет, сладкое, горькое, — утверждает Демокрит, — по истине же все есть что и ничто». «Что» есть бытие — одно, единое или, как выражается сам Демокрит, «полное», «неделимое» (ῥατομ); ничто есть его противоположность — «пустое» (κενὸν). При этом мыслимая полнота бытия, согласно Демокриту, не является чем-то неопределенным и однообразным: атомов или «неделимых идей» (ἄτομοσιδέαζ) много. Соединение многих одних в пустоте приводит к возникновению всех воспринимаемых чувствами вещей и их свойств, а разложение сложного — к их гибели.

Свою мысль о природе вещей Демокрит хотел сделать наглядной, говоря о различиях между атомами по внешнему виду, месту и положению в связи. Движение этих первоначал он сравнивал с вихрем мельчайших твердых частиц, в котором они сцепляются друг с другом и образуют сперва тела вообще, а затем, в ходе сепарации тел разной плотности, — сферы земли, воды, воздуха и огненных звезд. Душу Демокрит уподоблял сочетанию шарообразных атомов, а стремясь объяснить происхождение ощущений, выдвинул представление о тонких оболочках, как бы отделяющихся от вещей и проникающих в органы чувств.

ЭМПЕДОКЛ (490–430 до н. э.) — происходил из Агригента на Сицилии. Учился у пифагорейцев, изучал произведения Ксенофана и Парменида, слушал Анаксагора. В своем отечестве играл выдающуюся политическую роль, изумляя народ практическими делами и мистификациями. Эмпедокл был сведущ во многих областях знания; написал медицинский трактат и 5 тыс. стихов, вошедших в сборники «О

природе» и «Очищения», из которых сохранилось около 150 фрагментов.

Оспаривая принцип Гераклита, Эмпедокл не признавал природой вещей их возникновение из небытия и исчезновение в ничто. То, что кажется рождением и гибелью чего-то, по его мнению, есть лишь смешение и разделение неизменных и всегда сущих стихий — огня, воздуха, воды и земли, сплывающих в силу дружбы подобного с подобным и расходящихся врозь под действием вражды различного. Ничто не пусто от стихий; сами по себе они не движутся, но, гонимые движущими началами дружбы и вражды, они проникают в поры друг друга и, количественно преобладая по очереди, образуют как элементы смеси все многообразные по виду вещи. Все есть, таким образом, вечный круг анализа и синтеза сущего:

*То одно слагается, чтобы быть единым из многого,
То снова распадается, чтобы быть многим из одного.*

Полноту бытия этого совершенно законченного целого, в котором ничто не пребывает и не убывает, Эмпедокл именуется необходимою, или божественной сферой, — «вполне бесконечным и радующимся неподвижному круговращению шаром». В нем все сущее ощущает и чувствует подобное подобным, благодаря истечениям из вещей и симметрии их пор. Наша душа тоже есть целостность, синтетическая связь стихий и поэтому воспринимает их:

*Землю землею мы зрим, воду мы видим водою,
Воздухом — божий эфир, а вечное пламя — огнем.
Видим любовью любовь, а угрюмую распрей — вражду.*

К той же формуле («подобное — подобным») Эмпедокл сводит сознание и понимание. Их органом он объявляет околосоердечную кровь, так как именно в ней элементы смешаны наилучшим образом. Вследствие этого, полагает Эмпедокл, ни одно из животных не лишено ума в строгом смысле слова.

АНАКСАГОР (500–428 до н. э.) — родился в Клазоменах, в Лидии, недалеко от Эфеса. В зрелом возрасте поселился в Афинах и стал другом Перикла еще до того, как тот возглавил государство. Первым из философов был обвинен афинянами в пренебрежении богами, признаваемыми народом, и осужден на изгнание из Афин.

Из сохранившихся фрагментов его книги «Природа» ясно, что Анаксагор примыкает к Эмпедоклу в своем отрицании возникновения из небытия и исчезновения в ничто. «Сперва все было вместе и покоилось», — пишет он. Начало движения есть ум ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$), который разделяет эту неопределенную смесь и приводит все в порядок, образуя разное путем соединения одинакового. Незримые и вообще неосязаемые вследствие своей малости, бесконечные по числу и равные сами

себе начала, которые Анаксагор именует гомемериями (ὁμομερῆ— «подобочастные»), сходясь друг с другом благодаря уму, составляют все многообразные чувственно воспринимаемые вещи. Подобное есть только из подобного, и каждая вещь более всего кажется тем, чего в ней больше всего: в воде, например, преобладают одни гомемерии, в золоте — другие и т. д.; гибель же есть лишь разложение однородного и его смешение с разнородным. Согласно Анаксагору, различие исходной неразличности началось с малого, пришло к тому, что ныне движутся звезды, Солнце, Луна, Земля и то, что на них, а в будущем продолжится далее. Однако, замечает он, ничто кроме ума вполне не отличается от иного: «Остальные имеют в себе одинаковое, ум же беспределен, самодержавен и ни с чем не смешан. Только он один есть сам по себе. Ибо если бы он был смешан с чем-либо иным, он не мог бы столь хорошо править всем, как он правит. Но он чист и поэтому знает все и имеет величайшую мощь». Мощь ума как всеобщей причины реализуется в устройстве мира, вследствие этого отнюдь не случайном; однако при объяснении деталей мироздания Анаксагор почти не прибегает к разумной природе сущего и указывает преимущественно лишь особенные физические основания (воздух, огонь, воду и т. д.).

СОФИСТЫ — деятели античного просвещения в Греции V–IV вв. до н. э. Имея своей целью научить людей самостоятельно рассуждать и убедительно говорить обо всем (отсюда — их самоназвание Σοφιστής, т. е. учителя мудрости), софисты составили влиятельное сословие учителей, занимавшихся преподаванием грамматики, риторики и философии как профессией. Тем самым они заменили эпических поэтов и рапсодов, хранителей мифологического предания, которое в течение веков выступало основным содержанием мировоззрения греков. Софистов было много; наибольшей известностью пользовались Пол, Фрасимах, Евтидем, Калликл, Дионисодор и Гипсий, а самыми знаменитыми стали учитель Сократа Продик, Горгий и Протагор, причем последние внесли также вклад в историческое развитие философии.

Софисты появились в ситуации, когда пробудилась потребность греческого духа в образовании посредством мышления. После Персидских войн многие люди начали осознавать, что они должны действовать, опираясь не на веру в богов, предсказания оракулов и авторитет законов, а на собственные убеждения, но чтобы обрести их, необходимо переосмыслить все стихийно сложившиеся политические, нравственные и религиозные представления. Искусство софистов заключалось в умении разложить любое содержание представлений на особенные точки зрения и с помощью примеров, взятых из чувства и опыта, выдвинуть как значимые те из них, которые кажутся полезными, соответствующими интересам индивида в данный момент. Так они

узнали, что на почве рефлектирующего мышления нет ничего прочного, и посредством внешних конечных оснований могли обосновать и оправдать все, что угодно. Это занятие, открывающее простор для страстей и произвола, стало для софистов самоцелью, за что их упрекали Сократ и Платон.

ПРОТАГОР (ок. 480–411 до н. э.) — родился в Абдерах, переселился в Афины и первый, назвав себя софистом, начал за плату учить всех желающих риторике и философии. В конце жизни был изгнан из Афин за сочинение «О богах», начинавшееся словами: «О богах я не могу знать, есть они или нет, ибо этому мешает многое: и суть дела темна, и жизнь человека коротка».

Протагор повторил вслед за Гераклитом, что все течет, но сделал отсюда вывод, что оно может быть всем, чем только кажется кому-либо и до тех пор, пока он так считает. Для одного, например, ветер холоден, а для другого — нет. Ощущения изменяются, в результате чего один человек в разное время по-разному воспринимает одно и то же — в зависимости от своего состояния, возраста, настроения и прочих условий. Поэтому все являющееся, представляемое и мыслимое человеком существует не само по себе, а исключительно в отношении к нему, и нет смысла спрашивать, каково оно вне этого отношения. «Человек — мера всех вещей: существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют», — формулирует Протагор основное положение своего учения. Но если все относительно и есть только в отношении к нашему сознанию, то любые, в том числе противоположные мнения и суждения о вещах, равно достоверны и ни об одном из них нельзя утверждать, что оно ложно.

СОКРАТ (469–399 до н. э.) — родился в Афинах; в юности обратился к изучению философии, слушал лекции Анаксагора и лекции знаменитых софистов. Вел жизнь мыслителя, охотно беседуя на философские темы с людьми всех сословий, возрастов и профессий. Сократ ничего не писал; о содержании и форме его бесед мы знаем из «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта Афинского и ранних диалогов Платона (см., например, «Евтидем», «Гипсий меньший», «Алкивиад I», «Евтифрон», «Лисид», «Хармид», «Гипсий больший», «Протагор», «Горгий»). На семидесятом году жизни Сократ был обвинен в том, что не почитает богов и своими речами портит молодежь. На публичном процессе он убедительно защищался, но не согласился признать себя виновным и был приговорен к смерти. Вскоре после гибели Сократа афиняне раскаялись в своем приговоре и наказали его обвинителей.

Философствование Сократа стало переломным этапом исторического развития философии, которое началось у первых греческих фи-

лософов с абстрактных определений первоначала. Хотя Анаксагором «архе» было выражено уже как ум, содержание этого понятия осталось у него совершенно неопределенным. Начало рефлексии о мышлении положили софисты: предмет открылся им как принадлежащий мыслящему субъекту в виде его чувств, восприятий и представлений. Они обнаружили абсолютную власть субъективного мышления над этим единичным содержанием, и Протагор в своем положении о человеке как мере бытия и небытия вещей вообще высказал суждение относительно всего сущего.

Образование, которое давали софисты, заключало в себе внутреннее противоречие. Распространение просвещенного резонерства — споровки рассуждать, опираясь на внешние основания (точки зрения, на которые расщеплялось все многообразие наличных представлений), делало мышление привычкой, исподволь вытеснявшей авторитет и традицию. Целина наивной веры и стихийной нравственности была, таким образом, распахана и поднята до сознания. Но образованная публика лишилась тем самым прочной духовной опоры и в выработке собственных убеждений вынуждена была руководствоваться так называемым здравым смыслом, обращающим внимание только на то, что в данный момент кажется правильным и полезным отдельному человеку. Уяснение этого противоречия сообщило философствованию Сократа иронический пафос и позволило ему понять, что и рассудочное мышление, и сама отнесенность сущего к сознанию человека — только явления некоторой единой сущности, которую надо найти, чтобы, опершись на нее, преодолеть неизбежный для только начинающего свое дело мышления произвол в суждениях о вещах и поступках. Поэтому основной проблемой Сократа стало достижение целомудрия (*σωφροσύνη*) — такой формы мышления, которая, в отличие от мнимой мудрости софистов, принимавших за высшее определение частные точки зрения, была бы единым целым со своим собственным содержанием. Чтобы обрести это единство и стать истинно мыслящим, человеческий дух должен возвыситься над случайностью единичных целей и интересов, выйти из своей особенной субъективности и в познании истины прийти в себя, к самосознанию. Рождению разумной формы мысли в душе человека и служит майевтическое («родовспомогательное») искусство Сократа — его своеобразная манера думать вместе с другими людьми, говоря с ними.

Исходным пунктом бесед, в которых принимает участие Сократ, является опыт обыденного сознания собравшихся. С помощью с виду простодушных вопросов Сократа о том, что представляется известным каждому, собеседники прежде всего приступают к анализу этой привычной формы содержания разговора. Невольное высказывание

в ответах противоречащих друг другу суждений о предмете беседы приводит их в замешательство в ходе саморазложения мнимого знания о ней, превращающейся в загадку. Отрицательный результат диалектического обсуждения оборачивается затем положительной стороной: осознание беседами своего незнания пробуждает в них охоту «схватить» ускользающую от рассудочных определений сущность и тем самым восстановить утраченное согласие с собой. Начинается совместный поиск неведомого, и в этой погоне за целью познания Сократ развивает величайшую энергию: раскрывая безуспешность всех предпринимаемых попыток решить задачу, он вновь и вновь принимается за исследование вопроса.

Этот бесконечный разговор, питаемый неутолимой духовной жаждой и упорством Сократа в искании истины, не сводится к внешней форме диалога — к вольной беседе нескольких лиц, излагающих свои взгляды, спорящих или поучающих друг друга. Хотя предпосылкой общения тоже является разность людей, связанная с индивидуальными особенностями их склонностей и убеждений, ирония Сократа быстро раскрывает несоответствие между всеобщностью формы и единичностью содержания мнений о предмете и таким образом развеивает эту видимость различия, доводя до сознания каждого равное незнание всеми сути того, о чем идет речь. Общение разных лиц с помощью речи становится в беседах Сократа общением души с самой собой, в котором она в силу противоречия всеобщего и единичного в ней выступает отличной от себя, не удовлетворенной своей раздвоенностью и стремится соединиться с собой с помощью логоса, т. е. путем размышления. Диалог как способ философствования Сократа есть именно это отрицательное отношение души с собой, в ходе которого она посредством мышления как всеобщей формы ищет соответствующее ей всеобщее содержание. В противоположность изменчивому единичному это содержание мышления должно быть тождественным себе — некой единой идеей, которая своей внутренней необходимостью превосходит случайную необходимость многочисленных внешних оснований противоречащих себе мнений рассудка. Сократ уверен, что, будучи познанной, эта идея станет всеобщим основанием прочных логических определений разума, пользуясь которыми человек сможет привести в гармонию свои дела, слова и мысли и вместе с действительной мудростью обрести истинную добродетель.

В умении вести такой диалог с самим собой и состоит, по Сократу, искусство целомудрия. Оно заключается в самопознании человеческого духа посредством мышления о разуме, как он есть в душе по самой своей природе, т. е. независимо от мыслящего субъекта, — в виде блага, божественного, прекрасного, справедливого и полезного самого по

себе. Однако вследствие односторонне отрицательного отношения души к различию и противоречию с собой это содержание остается для Сократа неким неопределенным тождеством, поиск определений которого принципиально не может быть завершен. Поэтому со стороны содержания его философствование с необходимостью оказывается бесконечным процессом с открытым, отрицательным результатом. Но в форме бесконечного стремления души к благу, божественному, прекрасному и т. п., самому по себе некоторый результат все-таки достигается. Движимое любовью к мудрости, т. е. потребностью знать, что есть нечто по истине, а не только во мнении, субъективное мышление человека начинает становиться у Сократа объективным для самого себя и, осознавая себя как предмет, впервые достигает самосознания и субъективной свободы. Благодаря этому Сократ выступает как первый моральный человек во всемирной истории, всей своей жизнью и смертью практически доказавший необходимость самоопределения человека в любых обстоятельствах: человек должен сам установить для себя закон и повиноваться только ему.

Составитель А. Н. Муравьев